

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-46-52

КОНЦЕПЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ ЭРИХА ФРОММА

THE CONCEPT OF ALIENATION OF ERICH FROMM

А.И. Кравченко

A.I. Kravchenko

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119992, Москва, ГСП-2 Ленинские горы

Lomonosov Moscow State University, GSP-2, Leninskiye Gory, Moscow, 119992, Russia

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается концепция отчуждения Э.Фромма, послужившая исходной основой для формирования современных представлений об этом явлении в современной западной социальной психологии и социологии. Обзор дается по материалу, специально посвященному данному вопросу и не переводившемуся на русский язык. Необходимость нового обращения к Фромму обусловлена тем обстоятельством, что в переведенных книгах выдающегося мыслителя, в частности «Бегстве от свободы», целостного и в то же время сжатого очерка отчуждения нет. Сам термин встречается в тексте всего 7 раз. Исторически термин «отчуждение» обозначал в Испании и Франции психофизиологическую патологию, а в Германии и Англии – форму социальной патологии. В связи с этим Э.Фромм рассматривает отчуждение одновременно как объективное положение индивида и/или группы в обществе и общества. Анализируя историческую эволюцию отчуждения мыслитель сравнивает моно- и политеистических формах религии, утверждая, что только в политеизме – через поклонение идолам - отчуждению подвергается вся сущность человека, а монотеизм считает человека бесконечным многообразием, в котором ни одно конечное качество личности нельзя оторвать и гипостазировать. Однако с течением времени монотеизм регрессировал в идолопоклонство и передал силу своей любви Богу. В результате человек стал частью отчужденной силы. В светском обществе поклонение политическому лидеру, государству, идеологии или теории есть проявление иррациональных страстей – процесс отчуждения.

Absrtact

The article considers the concept of alienation of E. Fromm, which served as the initial basis for the formation of modern ideas about this phenomenon in modern Western social psychology and sociology. The review is based on material specifically devoted to this issue and not translated into Russian. The necessity of a new approach to Fromm is due to the fact that in the translated books of the outstanding thinker, in particular «Escape from Freedom», there is no integral and at the same time concise sketch of alienation. The term itself occurs in the text only 7 times. Historically, the term «alienation» denoted psychophysiological pathology in Spain and France, and in Germany and England - a form of social pathology. In this regard, E. Fromm considers alienation at the same time as an objective position of the individual and/or group in society and society. Analyzing the historical evolution of alienation, the thinker compares mono-and polytheistic forms of religion, arguing that only in polytheism – through the worship of idols – is the whole essence of man subjected to alienation, and monotheism considers man to be an infinite variety in which no final quality of personality can be torn off and hypostatized. However, over time, monotheism regressed into idolatry and transmitted the power of his love to God. As a result, man became part of alienated power. In a secular society, the worship of a political leader, state, ideology or theory is a manifestation of irrational passions - the process of alienation.

Ключевые слова: Э. Фромм, отчуждение, К. Маркс, производство, потребление, человек, сознание

Key words: E. Fromm, alienation, K. Marx, production, consumption, man, consciousness

Проблему отчуждения советские обществоведы активно обсуждали в 1960-80-е годы, но лишь в свете учения К. Маркса и в применении к буржуазному обществу. О Э. Фромме речи вообще не шло. Сегодня интерес пропал сразу ко всему: к проблеме отчуждения, К. Марксу и Э. Фромму. Можно отметить лишь несколько работ на тему «отчуждение у Фромма». Между тем именно воззрения последнего определяют сегодня мейнстрим в мировой социологии и философии по этой тематике. Поэтому есть необходимость подробнее остановиться на вопросе именно так, как она решена в оригинальных работах Э. Фромма.

Большинство людей вряд ли понимают, что такое отчуждение как субъективное состояние человека или объективное положение в обществе и общества, полагает Э. Фромм. Когда произносят это слово, люди смотрят с недоумением и некоторой досадой. Для кого-то это всего лишь клише, которое проистекает из чрезмерного увлечения односторонне-фанатичными ассоциациями. В первоначальном своем значении, пишет Э. Фромм, термин «отчуждение» обозначал душевнобольного (*insane* – сумасшедший, безумный) человека: во Франции *aliene* и в Испании *alienado* – это старые слова для обозначения психотических, совершенно отчужденных людей [2: 67]. В Англии термин *alienist* использовался также для обозначения доктора, заботившегося о душевнобольных. В XIX в. термин *отчуждение* использовали Гегель и Маркс, но они обозначали им не состояние сумасшествия, а экспрессивные формы самоустранения (*self-estrangement*), которые позволяли человеку поступать вполне разумно в практических делах. Иными словами, они обозначали форму социального дефекта. По Марксу, отчуждение создает условия, при которых собственные действия становятся для человека чужой силой, стоящей над ним и действующий против него вместо того, чтобы управляться человеком.

В этом более широком смысле, пишет Э. Фромм, отчуждение употребляется и сейчас. Хотя само понятие, конечно же, намного старше своего нынешнего значения. Пророки Ветхого Завета употребляли для отчуждения другой эквивалент – *idolatory* (идолопоклонение). Мы лучше поймем смысл отчуждения, если рассмотрим значение идолопоклонения [2: 67].

Священники всех монотеистических религий обвиняли язычество в идолопоклонении, поскольку язычники поклонялись многим богам, а не одному. Главная разница между моно- и политеизмом не в количестве, но в факте *самоотчуждения*: человек направляет свою энергию и воображение на сотворение идола, а затем поклоняется ему. Но идол означает ничто иное, как результат проекции собственных действий человека. Его жизненные силы перетекают в «вещь», и эта вещь, ставшая идиолом, теперь уже не воспринимается как результат собственных творческих потенций, но скорее как нечто, отстраненное от него, противостоящее человеку, нечто, которому надо только поклоняться. Идол представляет собой собственные жизненные силы человека в отчужденной форме [2: 68].

В противоположность этому, пишет Э. Фромм, монотеизм считает человека бесконечным многообразием, в котором ни одно конечное качество личности нельзя оторвать и гипостазировать, превратив в целое. Бог непознаваем и бесконечен, Бог не есть *вещь*. Если человек сотворен по образу и подобию Божьему, то он создан как носитель бесконечного числа качеств. А идолопоклонник обожествляет какую-то часть себя. Он не переживает себя как центр, из которого исходит жизненная сила любви и разума. Он сам и окружающие его люди, как и его боги становятся вещами.

Однако сам монотеизм, считает Э. Фромм, регрессировал со временем в идолопоклонство. Передав силу своей любви Богу, человек стал частью этой отчужденной силы. Он - опустошен. В протестантизме и кальвинизме человек должен чувствовать себя пустым, лишенным и лишним. Он обязан приносить свою веру во славу Богу в надежде, что Бог вернет ему часть его же собственных качеств.

Каждый акт смиренного поклонения, пишет Э. Фромм, есть акт отчуждения и идолопоклонства в собственном смысле слова. И в *любви* к Богу, и в обычной земной любви к женщине человек проецирует свое внутреннее богатство в другого и переживает уже это богатство не как свое, но как нечто отчужденное от него, расположенное в другом, в том, с кем он может соприкоснуться, только поклоняясь ему, погружаясь в другого человека. Это касается также поклонения политическому лидеру, или государству, которые обладают си-

лой лишь благодаря согласию подчиняться им. При фашизме и сталинизме - типах тоталитарного общества - абсолютно отчужденный индивид поклонялся различным идолам, неважно какое имя они носили: государство, класс, коллектив или что-либо еще [2: 69].

Отчуждение может происходить под влиянием иррациональных страстей. Если индивид мотивирован только жадной властью, он уже не воспринимает себя во всей полноте своего внутреннего богатства, но превращается в раба своих частичных качеств, спроецированных на внешние цели, которые овладевают им. Это может быть страсть к деньгам. Точно также отчужден и больной неврозом человек. Его действия не являются его собственными до тех пор, пока он во власти своих иллюзий. Его желания превратились в господствующие над ними силы. Подсознательные силы обрели реальную власть над его сознанием. Сумасшедший есть абсолютно отчужденный, поскольку он потерял себя как центр своего жизненного мира. В результате человек теряет смысл существования.

Общее всем явлениям – языческому идолопоклонству, регрессировавшему религиозному поклонению, любви к женщине, поклонению политическому лидеру или государству, иррациональных страстей – процесс отчуждения. Человек не ощущает себя субъектом собственных сил и богатств. Он – лишенная всего «вещь», зависящая от внешних сил, в которые он вкладывает свои жизненные проекции (ожидания, надежды). Поэтому отчуждение – вовсе не современное явление. Оно имеет древнюю природу. Сущность отчуждения меняется от культуры к культуре как по содержанию, так по интенсивности и полноте своего проявления [2: 70]. Человек создал мир искусственных вещей, который доселе никогда не существовал. Он столкнулся с миром вещей, в которые воплощены его духовные силы и которые теперь господствуют над ним.

В мире отчужденной культуры с человеком происходят самые разные социальные метаморфозы. Что случилось, например, с представителем рабочего класса? В промышленности он – экономический атом, который на производстве автоматически выполняет все приказы менеджера. Работа становится все более рутинной и бессмысленной, расчлененной на микродвижения. Все проявления обычной жизни на производстве минимизированы, они – только препятствие. И как результат – апатия, деструктивность, психическая регрессия либо сопротивление, борьба или бегство.

Роль менеджера – также одна из форм отчуждения. Он отчужден от продукта труда как чего-то конкретного и полезного. Его цель – увеличить прибыль для других. Он, как и рабочий, имеет дело с имперсональными гигантами: гигантом конкуренции, гигантом рынка, потребителя, которые манипулируют им, а он – подчиненными. Бюрократизация – одно из проявлений отчуждения. Бизнес и правительство регулируются бюрократией. Администратор относится к людям без любви и ненависти, т.е. имперсонально, он манипулирует людьми как вещами. Крайнее разделение труда не позволяет смотреть на индивида как целое [2: 71].

К. Маркс в свое время дал глубокое определение бюрократии: бюрократ связывает себя с миром только как с объектом своей деятельности. В России бюрократические руководители и дух отчуждения охватили всю страну. Россия может существовать без террора, но она не может существовать без системы тотальной бюрократизации, т.е. отчуждения. Как отметил П. Друкер, крупные корпорации – это социоэкономический институт, определяющий образцы поведения. Отношения отчуждения в бизнесе проявляются в том, что позиция собственников корпорации расплывлена. Из экономически активной их позиция стала экономически пассивной: они владеют только частью контроля и власти в компании. Ценность благосостояния индивида теперь зависит от внешних, неподконтрольных ему сил – рынка и менеджмента. Собственник настолько привязан к рыночным механизмам, что не способен уже напрямую ни распоряжаться своей собственностью, ни оценить ее реальную стоимость. За него все делает рынок. В корпорации понятие *собственность* стало лишь символом, реальную же власть, ответственность и контроль, которые прежде выступали неотъемлемыми атрибутами собственности, переместились к профессиональным менеджерам [2: 73].

Формально, акционеры осуществляют контроль над предприятием благодаря тому, что они выбирают руководителей в демократическом порядке. Реально же акционеры обладают незначительным контролем, ибо когда их много, то доля влияния каждого акцио-

нера пренебрежимо мала. Вот почему акционеры не участвуют в собраниях, выборах и управлении предприятием. А.Берл и Г.Минс [1: 66-70] выделяют пять типов контроля:

1. контроль через почти полное право собственности
2. контроль большинства
3. контроль через легальные механизмы без большинства
4. контроль меньшинства собственников
5. менеджментский контроль.

Первые два типа осуществляют контроль в 6% в 200 крупнейших корпораций (в 1930 г.), остальные (главным образом 5-й тип) – 94%. Классическая работа Берла и Минса показывает, как такое чудо происходит безо всякого насилия над законом.

Процесс производства, пишет Э. Фромм, отчуждается от процесса потребления благодаря деньгам [2: 74]. Деньги представляют труд и усилия в абстрактной форме. Это уже не обязательно мой труд и мои усилия, поскольку я могу получить деньги по наследству, мошенничеством, по случаю или как-то еще. Деньги я могу заработать своим конкретным трудом и благодаря своей квалификации, но когда мне их выдают, они уже принимают абстрактную форму труда. Столь же абстрактно и потребление: я могу потратить деньги на картину, хотя ничего не понимаю в живописи. Я могу испортить картину и потерять деньги, но этим я не нанесу себе ущерба. Только владение деньгами дает доступ ко всему.

Именно человеческий способ приобретения денег, говорит Э. Фромм, заключается в том, чтобы затрачивать усилия соразмерно тому, что получаешь в кассе. Приобретение хлеба или одежды должно зависеть лишь от одной предпосылки – надо быть первым. Приобретение книг или картин должно зависеть от моих способностей понять их и использовать их. Однако способ приобретения вещей отделен от способа, которым мы используем их.

Отчуждение функции денег в процессе приобретения и потребления прекрасно описывал Маркс. Как мы используем вещи, которые приобретаем? Мы приобретаем вещи, которые рекламируют как хорошие вещи, но не всегда мы можем до этого убедиться в их качестве. С нами говорит реклама, значит, мы покупаем наши фантазии, свои представления о вещи [2: 75]. Мы «едим» и «пьем» великую способность Америки хорошо рекламировать вещи. Но процесс потребления – это сугубо конкретный процесс, конкретный человеческий акт, в который должны быть включены наши чувства, тело, эстетические качества, потребности. То есть потребление должно быть осмысленным, человеческим, продуктивным переживанием (опытом). Но в нашей культуре это проявляется в малой степени. Потребление по существу есть удовлетворение несущественных потребностей, стимулируемых фантазий, которые отчуждены от конкретно нас самих.

Еще один аспект отчуждения. Мы окружены вещами, о свойствах которых ничего не знаем: телефон, радио, технические устройства. Они – машины, внутренности которых для нас загадка. Мы знаем только то, как пользоваться ими. Точно также мы не знаем, как растет хлеб, как изготавливают бумагу или мебель. Мы потребляем как и производим, не интересуясь конкретными свойствами вещей. «Мы живем в мире вещей и наш контакт с ними ограничен тем, что мы знаем лишь как манипулировать ими или потреблять их» [2: 76].

Наш способ потребления характерен тем, что мы никогда не удовлетворим все свои потребности, так как они постоянно возрастают и расширяются. Развиваясь культурно, мы увеличиваем требования к качеству продуктов и вещей. Но делая так, мы ведем себя не как конкретные индивиды, а как члены социума. Возрастающее потребление призвано сделать нас счастливыми, но это цель, поставленная не нашим организмом и его потребностями, а цивилизацией. В этой погоне мы начинаем зависеть от наших потребностей, других людей и институтов общества.

Они искусственно создают в нас стремление к новым потребностям. Растет потребительский голод, люди становятся агрессивными в стремлении к овладению новыми вещами. Акт покупки и потребления становится импульсивным, иррациональным, как и сама эта цель. Стремление иметь последнюю модель чего-то становится престижным, а ее использование по назначению – вторичным. В погоне за ними люди ищут все новые привилегии и доступы. Раньше человек заботился больше о том, чтобы лучше использовать

уже имеющееся, гордился собственностью и тяжело расставался с ней. Но сейчас все иначе, люди тянутся к самому процессу смены старых вещей на новые [2: 77].

Э. Фромм полагает, что для середины XIX века была характерна «хоардическая» ориентация (hoard – временный забор вокруг строящегося здания, щит для наклейки объявлений и афиш), а для середины XX века – «рецептивная» ориентация (receptive – восприимчивость), характерная черта которой – получить, иметь все время что-то новое, «жить с постоянно открытым ртом». «Рецептивная» ориентация связана с маркетинговой ориентацией, а «хоардическая» – с ориентацией на использование.

Абстрактное производство и абстрактное потребление делают абстрактным и сам досуг, который становится пассивным, не участвующим. Человек не свободен в том, как использовать свое свободное время, оно детерминировано индустрией. От абстрактного потребления и абстрактного отдыха внутри меня ничего не происходит, ничего не изменяется в духовном мире. Лозунг новой цивилизации: ты не о чем не должен заботиться во время отдыха, о тебе позаботимся мы. Турист с фотокамерой – таков типичный символ отчужденного отношения к миру. Стремясь получить больше впечатлений, он не видит ничего, или видит все, но только через свою фотокамеру [2: 78].

Человек отчужден от работы, потребления, досуга, от социальных сил, агентов и институтов. Наша беспомощность перед властью имущими проявляется в том, что такие социальные катастрофы, как экономические депрессии и войны, случаются как бы естественно и стихийно, вне наших намерений. Капитализм не строится на основании заранее изученных и четких законов или традиций. Мы управляемся законами, которые не в состоянии контролировать. Таково еще одно яркое проявление отчуждения. Экономика и общество больше не контролируются человеком. Наш мир напоминает скорее всадника, который вроде бы управляет лошастью, крепко держась в седле, на самом деле он лишь следует за ней [2: 79].

Отношения между людьми тоже отчуждены. Продавец использует покупателя в своих целях, работодатель – рабочего. Каждый для каждого – как товар, хотя делается все с улыбкой и дружелюбием. Но это поверхностное дружелюбие, за ним – индифферентность и дистанция. Это – хорошая форма скрыть недоверие. Современное общество состоит из «атомов», между которыми утрачена социальная связь, из маленьких частиц, которые отдалены друг от друга, но соединены вместе благодаря *самоинтересам* и поиску выхода. Люди проявляют себя только в публичной реальности, которая отдалена от частной реальности. Индивиды мотивированы только эгоистическими интересами, а не социальностью или любовью к близким. В свое время, напоминает Фромм, С. Стауффер опросил американцев и выяснил, что большинство из них интересуют только личные дела, свой бизнес, свое здоровье, и только 8% беспокоят мировые проблемы [2: 80]. Мол, правительство решит все за нас самих. Но это показатель того, что государство стало идолом, ему поклоняются как силе, отчужденной от людей, которые не желают участвовать в общественных мероприятиях. Отчуждение исчезнет, если люди будут считать себя сообществом (комьюнити), а не обществом, а свои социальные силы не будут считать «добавкой» к частной жизни [2: 81].

В маркетинговой ориентации человек смотрит на себя как на вещь, которую нужно успешно устроить через рынок труда, его цель – успешнее продать себя. Его чувство ценности и достоинства зависит от успеха в карьере. На свое тело и способности индивид смотрит как на капитал, который надо успешно инвестировать. Потерю достоинства, себя как неповторимой личности, бессмысленность существования фиксируют только психиатры. Для больного ты не значишь ничего, а многие роли играешь для других. Эти роли – средство защитить себя от потери «самосмысла», избежать конфликта и неприятностей. Чувство себя становится вторичным. К примеру, человек не может думать о себе как о достойном человеке, пока плохо выполняет свою работу – торгует, продает, конструирует. Такова глубинная идентификация с собой, но через посредников – через работу, должность или профессию. Здесь личное «Я» вторично, оно формируется через восприятие себя другими [2: 82].

Другой аспект отчуждения – *рутинизация* и подавление осознания базисных проблем человеческого существования. Это универсальные вопросы жизни. Человек строит свою собственную перспективу жизни и общается с другими с таким расчетом, чтобы

встретить минимум сопротивления. В том состоит характерная черта любой культуры как искусственного микрокосмоса. Ее можно достичь, если человека не лишают проявления заботы о других, любви, солидарности и других фундаментальных измерений жизни. Однако обыденная рутина не позволяет проявлять возвышенные чувства. Конфликт между двумя измерениями жизни – неординарным и рутинным – помогают преодолеть религия и искусство. Возможность прорваться через поверхность рутины к абсолютным ценностям позволяет также ритуал. Но последний Э.Фромм понимает в широком смысле как в греческой драме, а не в узко религиозном понимании ритуала. В драме не как в спектакле, а как в трагическом действе, участвуют все, и в ней они сталкиваются со своей судьбой и смыслом жизни. Ту же функцию выполняют индийские танцы, средневековые пьесы страстей – здесь реально разыгрывается то, о чем философы воображают в мыслях [2: 83]. Современная жизнь дает лишь гротескную возможность прорваться через рутину повседневности, например профессиональный спорт. Миллионы людей приобщаются к необычному через криминальные новости или детективы.

В примитивном обществе обмен товарами внутри или между родами служил средством развития экономической жизни и был следствием разделения труда. В капиталистическом обществе обмен стал самоцелью. Еще А. Смит установил, что страсть обмениваться стала глубокой психической потребностью, свойством отчужденной личности. Обмен потерял свою рациональную функцию быть только средством достижения экономических целей и превратился в самоцель. Он распространился на неэкономические сферы. А. Смит отметил иррациональную природу потребности обменивать одно на другое в знаменитом примере обмена двух породистых собак [2: 84]. В таком обмене нет практической выгоды: человек покупает машину с целью продать ее при первой возможности. Такая страсть обмениваться структурирует межчеловеческие отношения. «Любовь – это не что иное, как выгодный обмен двух людей, каждый из которых получает больше, нежели наделяется...» [2: 85]. Вступая во взаимоотношения с другими, каждый гордится своим образованием, статусом, успехами и надеется добиться признания от окружающих. Но он делает не что иное, как продает эти качества на человеческом рынке по наилучшей цене, зная, что значимые другие высоко ценят именно такие качества и достижения. Выступление перед аудиторией – тоже вид обмена, продажи своих достоинств и реклама их. Человек переходит из одной статусной группы, которая не способна оценить его по достоинству, в другую, где такое может случиться. Так меняют машину марки «Форд» на новый «Бьюик», говорит Э. Фромм [2: 85]. Еще А. Смит верил, что потребность в обмене – унаследованная часть человеческой природы. Но это также симптом *абстрактофикации* и отчуждения, унаследованных человеком от современного социального порядка.

Человеческая жизнь, как повседневный процесс обмена, проходит по аналогии с процессом обмена товаров как эквивалентов. Вы идете на концерт и спрашиваете себя, а получите ли удовольствие, соразмерное затраченным деньгам. Хотя концерт, лекцию или участие в митинге нельзя примерить деньгами. Они носят некоммерческий характер. Поэтому активность сама по себе надо понимать как продуктивный акт жизни, не измеряемый затрачиваемыми деньгами [2: 86]. Человек занимается прогулками или зарядкой по утрам, зная, что это хороший вклад в здоровье. Следствием интерпретации жизни как предприятия или бизнеса становится рост числа самоубийств в современном обществе. Их причина – аномия, изучением которой занимался Э. Дюркгейм [2: 87].

Анализируя концепцию отчуждения Фромма, К.Шелл [3: 44-45] считает, что в ней он стремился ответить на ряд вопросов: Как мы узнаем, являются ли и когда люди отчужденными? Можно ли считать отчуждением субъективное ощущение состояния недовольства, тоски, угнетения или раздражения? Должны ли мы в таком случае спросить людей, чувствуют ли они себя счастливыми или несчастными, более счастливыми, чем в прошлом, и так далее? Или субъективные переживания своего состояния не имеют никакого отношения к наличию или отсутствию отчуждения? Можно ли оптимистов назвать отчужденными?

Иными словами, отчуждение коренится глубоко в психике человека и скрыто на уровне подсознания, либо оно – результат развития общественных отношений? В первом случае мы говорим о травме, во втором – о патологии или деформации.

Фромм, к сожалению, использует термин «отчуждение» в обоих смыслах без четкого их разграничения. Тем не менее, отчуждение как субъективное переживание несчастья больше подтверждается эмпирическими и научными данными. Они собраны и проанализированы. Если работа приносит неудовлетворенность, то это принимается как показатель отчуждения. Можно измерить условия и уровень отчуждения, увеличивается он или уменьшается. Фромм, считает К.Шелл, часто ограничивает себя именно этим. Он бессистемно использует эмпирические данные, лишь бы доказать свою точку зрения о том, что отчуждение в обществе возрастает [3: 45].

От себя добавим, что Маркс, к которому Фромм постоянно обращается при анализе отчуждения, подразумевал под ним вовсе не психические расстройства. Маркс сталкивался не с терапевтической практикой, а с открытой классово-борьбой и скрытым напряжением в обществе. *Разрыв* между субъективным ощущением человека того, что его постоянно эксплуатируют и угнетают, с одной стороны, и объективным идеалом достойного существования как некоей социальной нормы в XIX веке еще не был столь очевидным и трагичным, как в XX веке. Иначе говоря, в те времена у большинства представителей рабочего класса могло и не возникать субъективного ощущения отчуждения. Тем не менее, К.Маркс как глубокий мыслитель и даже философ-романтик возмущался унижительными условиями труда и быта, в каких находился пролетариат XIX века. Разрыв чувствовал он, а не они. Хотя Маркс предсказывал, что *обнищание пролетариата* в будущем станет только возрастать. Следовательно, отчуждение из сферы объективного факта превратится в полнее зримое субъективное состояние.

Хотя большинство западных экономистов нашего времени отрицает научную состоятельность теории обнищания пролетариата, остается фактом, что Э. Фромм, критикуя потребительское общество в лице американского капитализма, по сути подтвердил тезис Маркса о нарастании степени отчуждения в будущем. Правда, следует внести уточнение: надо говорить сегодня не о пролетариате, а скорее о среднем классе, о котором больше всего тревожится Фромм. Сытые мещане вроде бы удовлетворили все текущие и даже перспективные потребности. Но это, пишет Фромм, иллюзорное чувство довольства, так как на самом деле сами люди стали *рабами вещей*.

Поскольку достичь гармонии между субъективной полнотой жизни и объективным статусом рабочего класса как демиурга общества при капитализме невозможно, полагал Маркс, задачу окончательного устранения отчуждения из общества берет на себя коммунизм. Многие мыслители называют учение Маркса *утопическим*. Напротив, Фромм, который сводил отчуждение до психоаналитического и философского уровня, полагал, что и при капитализме, и при коммунизме можно решить проблему отчуждения, поскольку она кроется в человеческой личности, испытывающей разрыв с обществом. Его подход называют *антропологическим*. Маркс считал отчуждение проблемой общества, а Фромм – проблемой человека.

Список литературы

References

1. Berll A.A., Means G. C. 1940. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan Co.
2. Fromm E. 1964. The Sane Society // Alienation. The Cultural Climate of Our Time. Vols. 1-2. / Ed. by G. Sykes. New York: George Braziller, Vol. I: 67-88.
3. Shell K. L. 1967. Erich Fromm's «Escape from Freedom». A Critical Commentary. New York: American R.D.M. Corp.: 44-45.